

© 2003 г. И. Г. ДОБРОДОМОВ

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ ТРУБАЧЕВ

Выдающийся русский языковед-славист и индоевропеист, этимолог, историк и теоретик языка, лексикограф и организатор науки Олег Николаевич Трубачев (23.10.1930–9.03.2002) оставил о себе память в науке как автор больших монографических исследований по проблемам славянского и индоевропейского языкознания, исторической топонимике и этнографии Восточной Европы и как талантливый организатор научных исследований, результатом чего явился не имеющий аналогий в мировой славистике еще не законченный "Этимологический словарь славянских языков", где Олегу Николаевичу принадлежит почти половина авторского текста.

Родился Олег Николаевич 23 октября 1930 года в поволжском городе Сталинграде (ныне Волгоград) в семье врача-рентгенолога Николая Мокеевича Трубачева, жившего с 1928 года на Ковровской улице на правом берегу Волги. В школу пошел семи лет. Учился в школе № 5 на Рабоче-Крестьянской улице. Во время Отечественной войны семья две недели, начиная с 23 августа, продержалась под постоянными бомбардировками в осажденном Сталинграде, а потом выехала на левый берег реки и эвакуировалась в г. Горький, где жили до весны 1944 г. в семье известного хирурга А.К. Болдина при госпитале (отец Олега Николаевича, сопровождавший поезд с ранеными, получил при бомбежке множество переломов).

Среднюю школу Олег Николаевич окончил в Днепропетровске в 1947 году и стал студентом Днепропетровского университета, где он обучался в течение пяти лет, обратив на себя внимание редким в среде студентов-филологов устойчивым интересом к этимологии, что неизменно поддерживалось руководителем кафедры русского языка Я.А. Спринчаком, специалистом по русскому историческому синтаксису, не чуждавшимся и проблем русской исторической лексикологии.

В 1952 году, будучи сотрудником "Комсомольской правды" и Антифашистского комитета советской молодежи, Трубачев поступил в заочную аспирантуру Института славяноведения Академии наук СССР, а с 1953 года стал полноправным аспирантом этого Института и после окончания аспирантуры и защиты в 1957 году кандидатской диссертации продолжал работать под руководством профессора С.Б. Бернштейна до 1961 года, когда он по приглашению директора Института русского языка АН СССР академика В.В. Виноградова создал и возглавил в рамках этого академического Института Сектор (с 1986 года Отдел) этимологии и ономастики, где в дальнейшем протекала его плодотворная сорокалетняя научная деятельность по подготовке и изданию многотомного "Этимологического словаря славянских языков", тридцатый выпуск которого утвержден к печати Советом Института русского языка имени В.В. Виноградова в 2002 году, в год смерти главного автора этого грандиозного научного предприятия.

Сразу по переходе в Институт русского языка началась длительная работа по обдумыванию плана и подготовке базы для грандиозного праславянского словаря, начиная от создания картотеки усилиями небольшого коллектива сотрудников и оформления проекта словаря, что было реализовано в 1963 году в подробном про-

спекте "Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд)" и пробных статьях к нему, подготовленных усилиями одного О.Н. Трубачева [Трубачев 1963].

В этом же году выходит первый выпуск ежегодного издания "Этимология", посвященного теории и практике этимологических изысканий на материале разных языков и не имеющего аналогов в мировой лингвистике. Усилиями ответственного редактора О.Н. Трубачева вокруг ежегодника сложился более или менее устойчивый коллектив известнейших этимологов, которые могли обсуждать волнующие их проблемы и делиться с научной общественностью результатами своих трудов. Весьма внушительный по объему критико-библиографический отдел издания регулярно представляет читателям новинки этимологической литературы, причем значительная часть литературы долгое время обозревалась лично ответственным редактором ежегодника.

Защищенная в 1957 г. в Институте славяноведения АН СССР кандидатская диссертация "История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя" в 1959 году вышла отдельной книгой [Трубачев 1959], где к языковому материалу – славянским терминам родства и свойства – был осуществлен подход как к историческому источнику, который способен раскрыть элементы общественного строя и жизни славян в том числе применительно к периоду, не обеспеченному письменными памятниками. Перманентное изучение этой группы лексики было начато на заре нашего славяноведения капитальным исследованием П.А. Лавровского "Коренное значение в названиях родства у славян" [Лавровский 1867], и каждое новое поколение славистов подвергало критическому пересмотру сделанное ранее и давало новое обобщение достигнутым результатам. Олегу Николаевичу принадлежат обстоятельные рецензии в ежегоднике "Этимология" (см. 1976; 1979) на труды продолжавших разрабатывать эту тему лингвистов В. Шаура и О. Семереньи как свидетельство неослабевающего интереса к вечно живой теме, которая не перестает разрабатываться в науке с новыми находками и на базе новых материалов, обычно из сопредельных историко-этнографических дисциплин.

Вторая этимологическая монография ученого "Происхождение названий домашних животных в славянских языках (этимологические исследования)" вышла в 1960 году и вызвала не меньшее количество откликов, чем первая [Трубачев 1960]. При лаконичности изложения небольшая книга включала весьма обильный языковой материал, освещаемый в культурно-историческом аспекте, где важную роль играла domestикация некоторых прежде исключительно диких животных, приведшая к делению животных на две противопоставленных группы – диких и домашних, роль которых в жизни людей постоянно менялась: от сакральных до утилитарных целей. Географическая проекция истории названий домашних животных (прежде всего коровы **korva*) вынуждает исследователя увязывать этногенез славян с Центральной Европой, что послужило импульсом для последующих исследований проблемы Дунайской прародины славян, которая окажется продолженной в последующих разысканиях ученого.

Дальнейшим развитием этимологических проблем групповой реконструкции тематических пластов лексики явилась докторская диссертация "Ремесленная терминология в славянских языках (Этимология и опыт групповой реконструкции)", успешно защищенная в 1965 году и вышедшая на следующий год отдельной книгой [Трубачев 1966]. Исходя из положения о том, что традиционная терминология отражает не последние технические достижения ремесленного производства и самым тесным образом связана с предшествующими стадиями его развития, а также опираясь на этнографические и исторические материалы, О.Н. Трубачев дает характеристику древнейшего состояния славянских терминологий текстильного, деревообрабатывающего, гончарного и кузнечного производства в их взаимодействии на фоне ремесленных терминологий других индоевропейских языков и строит типологию истории этих производств, элементы которых вошли в культуру народов и сохрани-

лись в быту народов благодаря архаизующей сущности старых терминов. Анализ языкового материала позволяет видеть взаимодействие разных архаичных ремесел; например, гончарное производство оказывается тесно связано с текстильным: в основе керамических сосудов были плетеные емкости, которые для водонепроницаемости обмазывались глиной.

Не обошлось при изучении ремесленной терминологии и без парадоксальных выводов о том, что славянская ремесленная терминология обнаружила более тесные связи с германским и итальянским (латинским) языковым миром, а не с балтийским, как ожидалось бы на основе традиционной классификации индоевропейских языков, где постулируется особая близость славянских языков с балтийскими. Это наблюдение, до какой-то степени сходное с наблюдением о значимости средневропейского региона в формировании славянских названий домашних животных, в дальнейшем окажется основополагающим для разысканий Олега Николаевича по проблемам славянского этногенеза.

Область научных интересов О.Н. Трубачева в это время от этимологической обработки отдельных значительных областей нарицательной лексики (термины родства, ремесел, животноводства) расширяется и рано переходит в сферу ономастики. Заметным событием в этой области явилась написанная в соавторстве с В.Н. Топоровым монография "Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья" [Топоров, Трубачев 1962], где впервые были подвергнуты сплошному тщательному анализу речные названия одного района, чрезвычайно важного для выяснения этнической истории нынешней Белоруссии и древних балто-славянских этноязыковых отношений. Словообразовательный и этимологический анализ речных названий Верхнего Поднепровья с обстоятельными комментариями и выходами в соседние регионы убедительно показал, что балтийская речь была распространена гораздо южнее и восточнее нынешних ее границ и что в течение длительного времени происходил процесс ее вытеснения речью славянской.

Исследование явилось образцовым и породило целый ряд региональных исследований речных названий, что отмечалось в довольно многочисленных рецензиях. Первые итоги были подведены в следующей ономастической монографии О.Н. Трубачева, появившейся шесть лет спустя и обнаружившей образец научного диалога с оппонентами и последователями. Здесь более сложная картина этнолингвистической истории к югу от Верхнего Поднепровья на материале гидронимов была вскрыта в монографии О.Н. Трубачева "Названия рек Правобережной Украины" [Трубачев 1968а]. Последовательная смена разных этносов и их сосуществование в отдельные временные отрезки породили чрезвычайную пестроту гидронимии на обширной территории к югу от Припяти, где обнаружены иллирийские, фракийские, иранские, балтийские, тюркские следы в речных названиях, перекрытые мощным славянским пластом.

Фактически в исследовании рассмотрены речные названия также сопредельных территорий, поскольку топонимическое своеобразие региона всегда познается в сравнении, поэтому здесь присутствуют гидронимы почти всей Украины и Южной России. Здесь были сделаны дальние подступы к проблемам древней индоевропейской речи Северного Причерноморья.

Славянские личные именованья, часть которых восходит к древности, также были объектом научных разысканий О.Н. Трубачева. Весьма важным этапом в этих исследованиях стала большая статья Олега Николаевича, оказавшаяся сильным стимулом для изучения истории фамилий в России и для составления соответствующих словарей [Трубачев 1968б].

Параллельно с этими разысканиями в области славянской апеллятивной и ономастической лексики в 1964–1973 гг. шло издание русской версии "Этимологического словаря русского языка" М. Фасмера, единолично переведенного Олегом Николаевичем еще в 1959–1961 гг. с дополнениями пропущенной М. Фасмером литературы и литературы, появившейся после выхода труда М. Фасмера по-немецки в

1950–1958 гг.¹, а также в виде собственных соображений. Сделанные еще самим М. Фасмером в ходе издания словаря дополнения были включены в общий корпус словаря, эти дополнения слиты с текстом словаря и отличаются от дополнений переводчика, поданных в квадратных скобках и помеченных литерой – Т. Подготовка перевода словаря и его печатание получили осмысление и освещение в специальной статье Олега Николаевича [Трубачев 1978; Trubačev 1986].

Издание русской версии этимологического словаря М. Фасмера вместе с дополнениями О.Н. Трубачева было для ученого большой научной школой, на базе которой оттачивалась его исследовательская методика. Словарь получил новую жизнь, выдержал четыре издания, причем во втором русском издании были осуществлены также не очень многочисленные, но важные новые дополнения принципиального характера. Учет всего нового в русской этимологии, что появилось после первого издания словаря М. Фасмера, собирался сделать В. Кипарский, но эта работа не была им завершена.

Олег Николаевич, блестяще и с большим пониманием тонкостей переведший трехтомный словарь, бережно относился к авторскому тексту М. Фасмера и не вступал с ним в полемику по мелочам, а предпочитал в таких случаях ограничиваться редакционными поправками, особо их не оговаривая, хотя это иногда, в редких, правда, случаях приводило к недоразумениям.

О.Н. Трубачев всегда обладал обостренным чувством историзма, столь необходимым при этимологических изысканиях, но при чисто синхроническом подходе переводчика это чувство изредка в отдельных случаях отодвигалось на задний план, заслоняясь внеисторической нормативностью, которой, как правило руководствуются обычные переводчики и редакторы. Например, в немецком издании этимологического словаря М. Фасмера даны два омонима ЭТИКЕТ I ‘Aufschrift, Bezeichnungszettel (auf Flaschen)’ и ЭТИКЕТ II ‘Ordnung gesellschaftlicher Formen’, которые в издании русской версии перестали быть омонимами и превратились в пару *этикетка* – *этикет*, благодаря чему во главе словарных статей стали современные русские слова. нарушив, правда, алфавитный порядок. Здесь мы имеем яркий случай сбоя понимания между представителями разных поколений – поколения М. Фасмера (1886–1962) и поколения О.Н. Трубачева (1930–2002). Почти на полвека старший М. Фасмер, проживая с начала 20-х годов XX века за границей, был более чем на сорок лет оторван от живого русского языка и сохранил архаическую форму *этикет*, вытесненную в живом русском языке бывшим деминутивом *этикетка*, которая для О.Н. Трубачева была уже единственной, а старая форма *этикет* I воспринималась как ненормативная.

Аналогичное редактирование словарной статьи "ШАХТЕР ‘Grubenarbeiter, Kumpel’, auch шахтёр dass Voron. <...>" с архаической формой слова в ее начале состояло в том, что не вполне обдуманно архаическая форма *шахтер*, которую помнил М. Фасмер, была устранена совсем и во главе статьи была поставлена еще диалектная для М. Фасмера в начале XX века воронежская форма *шахтёр*, которая для нас является единственно возможной².

¹ Немецкое издание словаря довольно убористой печати вышло в трех томах, а русское четырехтомное издание отличалось от него лишь более крупным (и более удобным для чтения) шрифтом, что значительно увеличило листаж книги. Скупые дополнения вносились переводчиком только в случае их принципиальной важности и не составляют большого числа, беря значительностью и важностью содержания, поэтому ошибочно указание некоторых авторов на то, что дополнения составляют треть от материалов М. Фасмера [Гиндин 1992: 20: "дополнения Олега Николаева составили одну треть по сравнению с немецким оригиналом"].

² Оба эти случая неполного понимания между поколениями были замечены лингвистами [Добродомов 1988: 127–130; Ипполитова 2001: 121–122].

Но такие случаи в русском издании словаря М. Фасмера, повторяю, крайне редки: понадобился не один десяток лет пользования словарем, чтобы они обнаружили.

Исследовательскую практику О.Н. Трубачева характеризует ярко выраженная *акрибия* или *акрибiя*, 'тщательность, точность (в научных исследованиях)'³, которая в некоторых случаях, как это ни странно, может привести к ошибкам, что случилось с древнерусским гапаксом *сагъчиш*, обнаруженным А.Х. Востоковым в одном из торжественников XV века и в русских исторических словарях истолкованным как 'сановник'. В немецком издании словаря М. Фасмера оно на основании тюркской этимологии Н.И. Ашмарина в изложении М. Рясина определено как 'Wächter', т.е. 'страж', но М. Фасмер не объяснил своего несогласия с толкованием И.И. Срезневского при наличии ссылки на него. Опора на И.И. Срезневского при выборочном редактировании русского издания привела к восстановлению ошибочного толкования 'сановник'⁴, проверять же всю использованную литературу было бы просто невозможно.

Подобные редчайшие случаи в других трудах О.Н. Трубачева исключены, поскольку обширнейшие энциклопедические познания исследователя в сочетании с его необычайной интуицией постоянно предохраняли и оберегали ученого от недоразумений.

Характерно, что и в уже коллективном с 14 выпуска "Этимологическом словаре славянских языков" Олег Николаевич проявляет постоянную толерантность к мнениям соавторов и редко допускает редакторское вмешательство или редакторские дополнения.

Материал, собранный и осмысленный во многих конкретных исследованиях, будь то монография или отдельная статья в сборнике или в этимологическом словаре, настойчиво требовал интерпретации его применительно к сложным вопросам жизни древних славян, к проблемам славянского этногенеза. Статьи на эту тему публиковались в научной периодике (преимущественно в "Вопросах языкознания") под названиями "Языкознание и этногенез славян" и подобными. На базе этих статей была создана в 1991 г. очередная монография "Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования" [Трубачев 1991] (2-е значительно расширенное издание вышло уже после смерти автора в 2002 году), в которой подробно освещается проблема Дунайской прародины славян, фигурировавшая уже у Нестора в "Повести временных лет", но впоследствии попавшая в число "донаучных" и, как показал О.Н. Трубачев, преждевременно сданная в архив, хотя некоторые преимущественно языковые материалы в виде внутриславянских и межиндоевропейских изоглосс заставляют обращаться к этой теории для объяснения многих вопросов. Возврат на новых основаниях к теории дунайской (среднеевропейской) прародины славян встретил как апологетическое, так и критическое отношение славистов, активизировав угасшее было внимание к проблеме. Олег Николаевич подчеркивает, что о дунайской прародине славян говорил еще корифей и основоположник научного славяноведения П.И. Шафарик, в исследованиях которого научный потенциал его разысканий остался незамеченным последующей наукой, в своей критической запальчивости упустившей возможность своевременного развития его наблюдений и соображений, которые долго ждали своего часа.

Основные идеи книги "Этногенез и культура древнейших славян" возникали постепенно в ходе этимологизации славянской лексики, когда объяснение многим фактам можно было дать только с учетом того обстоятельства, что славяне были

³ По определению академического семнадцатитомного "Словаря современного русского литературного языка", который, однако, почему-то посчитал это понятие излишним и поэтому исключил из словника второго издания.

⁴ Восстановленное толкование 'телохранитель. страж. сторож' на основе этимологии Н.И. Ашмарина дано в исправлениях в "Словаре русского языка XI–XVII вв.". М., 1997. Вып. 22: 298.

связаны с Дунаем, память о котором до сих пор сохраняется в архаичных русских народных песнях. Пребывание славян на Дунае не было экстравагантным взглядом на вещи, а явилось настоятельной необходимостью для правдоподобного научного освещения иначе остающихся непонятными явлений языка и археологии.

В книге содержится не простой возврат к теории П.И. Шафарика, а совсем иной подход к тем же гениально предвиденным им научным положениям основоположника научного славяноведения, которые сейчас обеспечены достижениями современной теоретической компаративистики, индоевропеистики и особенно их этимологического компонента, а также далеко продвинувшейся археологии, достижениями которой Олег Николаевич умело пользуется.

О.Н. Трубачеву удалось аргументированно обосновать старый тезис П.И. Шафарика о раннем присутствии славян в Центральной Европе и эта проблема получила новый стимул к ее разработке как в позитивном, так и критическом аспектах.

Уделяя большое внимание западным связям славян, их западным соседям (германцы, кельты, италийцы), Олег Николаевич также обращается и к проблемам восточных связей, связей славянства с иранским языковым миром, отразившихся в славянской нарицательной лексике и топонимии, что было давно в поле зрения лингвистов, которые накопили значительный запас материала в лексике и топонимии, но дело продвигалось довольно вяло. Это было обусловлено сопоставлениями исключительно на праязыковом уровне без учета древней диалектной расчлененности и славянского и иранского языкового мира, что последовательным апологетам концепции языкового древа, которая и сейчас занимает ведущее место в компаративистике, представляет собой невероятным.

Проблемы древнейших славяно-иранских языковых связей и иранских заимствований в славянских языках самым тесным образом стыкуются с проблемами этногенеза, уже давно разрабатываемыми в науке, что подробными очерками было рассмотрено в большой статье [Трубачев 1967], где Олег Николаевич поставил вопрос о необходимости учета в решении этой проблемы диалектной расчлененности в эпоху интенсивных славяно-иранских контактов как славянского, так и иранского этнического и языкового мира. В статье обнаружилась парадоксальная насыщенность иранскими лексическими элементами западнославянского польского языка и его диалектов, а не восточнославянских, как ожидалось бы, что было обусловлено неоднократными изменениями картины расселения иранских и славянских племен в далеком прошлом, которая разительно отличается от нынешней и которая сейчас отражается лишь в удивительных изоглоссах.

Последующее углубление в историю иранства на Юге России, следы которого сохранились особенно в топонимике, привело к появлению серии статей, где было показано, что здесь обнаруживается не только сильная диалектная расчлененность иранского языкового материала, но и наличие близкого к иранству, однако противопоставленного ему индоарийского лексического и особенно топонимического материала. Это выяснилось в целой серии статей по истории лексики и топонимии языков Восточной Европы. Эти статьи в совокупности за 15 лет, начиная с 1974 года, составили целую книгу "Indoagica в Северном Причерноморье" [Трубачев 1999], легко обозримую благодаря наличию аналитических указателей (этимологического, семантического и предметного), где кратко суммируются итоги исследования старых и современных топонимов Северного Причерноморья, объясняющихся из индийских языков как результат пребывания в этих местах предков современных индийцев.

Благодаря исследованию Олега Николаевича был открыт еще один индоевропейский язык индоарийского характера, названный условно синдомеотским, что обогатило новыми материалами не только историю индоарийских языков, но и в первую очередь этническую историю региона в древности. В этом деле у Трубачева был лишь один серьезный предшественник – П. Кречмер, но его единичные примеры не идут ни в какое сравнение с сотнями слов, четко определенных Олегом Николаевичем как индоарийские. При этом надо заметить, что сделано такое открытие при от-

сутствии достаточной филологической базы: топонимика региона не собрана в достаточно авторитетные коллекции, не обеспечена в достаточной степени очень нужными в таких разысканиях сведениями по истории каждого топонима, который мог в ходе длительного употребления довольно сильно исторически меняться. Осложняется дело и отсутствием словарей по местным языкам региона. Приходится удивляться, как при таких условиях мало неточностей и ошибок. Их почти нет. Например, из-за отсутствия крымскотатарского словаря второй компонент *сала* в крымских топонимах *Ени-Сала* (*Енисала*), *Фетмах Сала*, *Коджа Сала* О.Н. Трубачев несколько неосмотрительно соотнес с синдмеотским **salā* 'сток, склон' [Трубачев 1999: 84], хотя это крымскотатарский термин, восходящий к русскому *село* с тем же значением, что, впрочем, было указано В.В. Радловым применительно к казанско-татарскому и караймскому *сала* 'деревня, село' [Радлов 1911: 349–350]. Но обильный материал совсем другого характера спасает автора от неудач.

Неожиданность выводов О.Н. Трубачева о наличии индоарийских следов в Причерноморье заставляет лингвистов обращаться к их внимательной проверке с привлечением нового материала и тщательной проверке старого. Благодаря разысканиям О.Н. Трубачева открылось новое поле исследований для языковедов и археологов.

Из всех предыдущих публикаций во многих изданиях и монографиях была выделена восточнославянская проблематика культурного, этнографического и лингвистического содержания, составившая содержание отдельной книги "В поисках единства" [Трубачев 1992; 1997]. Книга возникла в связи с докладами на проводящихся в разных городах России праздниках славянской письменности и посвящена отдельным спорным вопросам восточнославянского этногенеза. Здесь в полемическом ключе рассматривается проблема периферийности древненовгородского диалекта, в архаических чертах которого нет никаких оснований видеть свидетельства его былой принадлежности к западнославянским языкам, вопреки время от времени возникающим утверждениям некоторых лингвистов. В связи с анализом разноязычных названий Киева в древних источниках О.Н. Трубачев особенное внимание уделяет роли хазар в истории этого города и находит, что эту роль никак нельзя преувеличивать, как и в истории восточных славян в целом. Пестрота и гетерогенность этнического состава восточнославянских племен и народов позволяет все же установить, что в определениях *Малая*, *Великая* и *Белая Русь* скрываются символические указания на исходную территорию (*Малая Русь*), на территорию более позднего распространения (*Великая Русь*) и на географическое положение на Западе (*Белая Русь*).

В заключительных частях книги показано, что славянские этнонимы (племенные названия) могут служить ценным источником для установления фактов древнейшей истории славян, причем специальный экскурс посвящен выяснению южных источников этнонима *Русь*, корни которого, по мнению О.Н. Трубачева, затерялись в пестрой сумятице сложной этнической истории Северного Причерноморья, и прояснение этих корней требует значительных усилий ученых. Это вовсе не возврат к старым взглядам, которые были дискредитированы в результате беспощадной критики еще в XIX веке, а тщательный пересмотр материала на предмет поисков истины, которая умерла в спорах, где в остроте полемических схваток наносились смертельные удары неприемлемым для критика взглядам, а поиски истины остались в стороне и сама истина в этой полемике преспокойно умерла.

Прежние поиски корней этнонима *Русь* на юге не учитывали сложные исторические процессы, изменения в языках этого региона и были в силу последнего обстоятельства обречены на неудачу. Олег Николаевич обозначил здесь направление поисков...

Сюда же примыкает одна из последних работ Олега Николаевича – статья "Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения" [Трубачев 2000; 2002а], где рассмотрена судьба вятичей и их роль в формировании южновеликорусского наречия, роль чего в истории русского языка до сих пор остается недостаточно учтенной.

Олег Николаевич внимательно следил за развитием современной лингвистической науки и постоянно анализировал появившиеся новинки литературы, посвященные этимологии. Его рецензии и обзоры литературы подобного рода составляли весьма значительную часть ежегодника "Этимология" и являлись притягательной силой для привлечения к этому делу множества других языковедов. Критико-библиографический отдел ежегодника стал фактически своеобразной летописью развития современной этимологической науки языков Старого Света.

Весьма поучительный опыт работы над "Этимологическим словарем славянских языков" (ЭССЯ) обычно в сопоставлении с аналогичными начинаниями чешских и польских коллег постоянно освещался Олегом Николаевичем в разных изданиях, и его последняя работа "Опыт ЭССЯ: к 30-летию с начала публикации (1974–2003)" [Трубачев 2002б], подготовленная уже в больнице в последние дни жизни в качестве доклада для предстоящего в 2003 г. XIII Международного съезда славистов в Любляне и посвященная памяти великих этимологов Василия Ивановича Абаева и Франтишека Славского, подводит итоги его непосредственной деятельности в этой области. Характерен эпиграф из высказывания В.И. Абаева: "...делать этимологические словари интересно и легко, надо только каждый день писать несколько строк и так – сорок лет..."

В специальных разысканиях по этимологической проблематике и обзорах О.Н. Трубачева создана стройная теория этимологической лексикографии, особенно применительно к лексикографии праязыковой, как интердисциплинарная сфера научной деятельности.

Все эти теоретические положения нашли воплощение в грандиозном труде всей жизни Олега Николаевича – не имеющем прецедента в этимологической лексикографии. Это "Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд", 28 выпусков которого вышло еще при жизни его создателя и вдохновителя и 2 еще подготовлены к печати.

Из четырех десятков лет работы над словарем (с 1961 г.) подготовительный этап занял 14 лет, в том числе 2 года на выработку концепции, реализованной в лично составленном Олегом Николаевичем проспекте, который и определил дальнейший ход реализации замысла. Небольшой коллектив сотрудников (Ж.Ж. Варбот, Л.А. Гиндин, Т.В. Горячева, Л.В. Куркина, В.А. Меркулова, И.П. Петлева, О.Н. Трубачев, позже В. Михайлович, Г.Ф. Одинцов, Е.С. Павлова, А.А. Калашников, Т.В. Невская, О. Младенова) собирал материалы для словарной и этимологической картотеки, легшие в основу капитального "Этимологического словаря славянских языков", который через словарную форму обработки материала призван осветить жизнь древних славян, поскольку слова являются своеобразными свидетелями жизни народа в прошлом, несмотря на те изменения, которые с течением времени произошли и в языке и в жизни его носителей.

Авторскую работу над 13 выпусками вел лично О.Н. Трубачев, а с 14 выпуска авторская работа над выпусками стала коллективной (с обозначением отрезков словника, составленных каждым из авторов – В.А. Меркуловой, Л.В. Куркиной, Г.Ф. Одинцовым, И.П. Петлевой, Ж.Ж. Варбот, А.А. Калашниковым, О.Н. Трубачевым), причем в некоторых из выпусков словаря О.Н. Трубачеву принадлежит авторство более четверти объема.

Будучи крупнейшим ученым мирового масштаба и работая всю жизнь в академических учреждениях, Олег Николаевич живо откликался на просьбы вузовских учреждений и читал лекции в институтах и университетах нашей страны и за рубежом. Эти лекции носили характер пропаганды науки среди специалистов, хотя и будущих, но Олег Николаевич не был чужд общения и с более широкой аудиторией неспециалистов, интересующихся историей народов и этимологией. Это общение осуществлялось через публикацию статей в газетах и журналах, которые сохраняли свою научность, но были приспособлены для неподготовленного читателя стилистически – отказом от злоупотребления специальными терминами. В этих публикациях зачас-

тую звучали и публицистические нотки на злобу дня: окружающая обстановка в стране сказывается и на состоянии науки, что всегда заботило Олега Николаевича.

В плане просветительском, для облегчения творческого общения с неспециалистами и наведения ими справок по трудным для неспециалиста вопросам Олег Николаевич разработал грандиозный проект "Русская энциклопедия". Это предприятие задумывалось как энциклопедия универсальная, типа "Большой советской энциклопедии", но в отличие от последней, которая отражала везде государственные, официальные взгляды, "Русская энциклопедия" должна была бы носить этноцентрический характер – показывать весь мир глазами русского человека, русского народа, значение его в мировой культуре, опыты чего были в XIX веке ("Русский энциклопедический словарь" под редакцией И.Н. Березина) и в начале XX века (неоконченная "Русская энциклопедия"). К сожалению, этот проект не нашел поддержки, а русской читающей публике вместо "Русской энциклопедии" была преподнесена "Хатчинсоновская карманная энциклопедия" в плохом переводе.

Еще в аспирантские годы О.Н. Трубачев стал автором многочисленных этимологических разысканий, которые активно публикуются в советских и зарубежных изданиях, что продолжалось в течение всей творческой жизни ученого параллельно с подготовкой и изданием больших трудов как индивидуальных, так и коллективных.

Олег Николаевич постоянно принимал участие в разного рода съездах⁵, конференциях, симпозиумах, а многие из них он сам организовывал и выступал часто как летописец этих важных для науки событий, освещая их ход и результаты в научной печати. С большим стилистическим блеском Олег Николаевич писал портретные очерки об ученых прошлого и о своих старших коллегах и современниках, что тоже является важным компонентом истории науки. Яркие очерки этой еще живой истории, написанные с места событий сразу после них, представляют большой интерес как взгляд на текущую историю науки глазами крупного ученого, современника событий.

Олег Николаевич иногда выступал в качестве официального оппонента на защитах кандидатских и докторских диссертаций, в отзывах на которые он высказывал порой весьма любопытные мысли как общетеоретического, так и конкретного свойства, причем эти соображения зачастую так и остаются в диссертационных делах соискателей, несмотря на просьбу их опубликовать, как это было и с моей просьбой оформить в статью его соображения об этимологии слова *карман*, привлекавшего к себе внимание со времен Ф.И. Рейфа, который не вполне удачно связывал его с латинским *crutena* "кошелек" [Рейф 1835: 379], что было оспорено Ф. Миклошичем и повторено Н.В. Горяевым, неудачно выводившими его из северотюркского *karman*, оказавшегося на самом деле русизмом на тюркской почве [Miklosich 1886: 112; Горяев 1896: 135]. Несмотря на это, слово с долей сомнения и сейчас трактуется как тюркизм⁶.

Новые интересные этимологические соображения относительно этимологически трудного слова *карман* почти три десятилетия назад прозвучали на защите моей докторской диссертации "Проблемы изучения булгарских лексических элементов в славянских языках" 9 декабря 1974 года в Московском государственном педагогическом институте им. В.И. Ленина, где О.Н. Трубачев выступал в качестве моего официального оппонента вместе с А.Н. Кононовым и А.С. Львовым.

О.Н. Трубачев в ходе оценки моей диссертации подчеркнул методологическую важность учета семантической проблематики, которая, на его взгляд, не всегда получала в этом исследовании достаточно широкое применение, и обратился при этом

⁵ Например, был участником восьми международных съездов славистов, начиная с IV-го (1958 г.), подготовил доклад для очередного XIII съезда.

⁶ Невероятность сближения хорошо видна в одной из последних попыток вывести *карман* из тюркского *qurman* 'налучье, саадак' [Юналеева 1982: 99].

к предполагаемому тюркизму русского языка *карман*, который, по мнению известного тюрколога и слависта Н.К. Дмитриева, может быть включен в группу "Слова, причисляемые к тюркизмам в порядке гипотезы", хотя в этимологических словарях и некритических списках тюркизмов слово *карман* фигурирует довольно давно [Дмитриев 1958: 44].

Соображения О.Н. Трубачева опирались на отмеченное в литературе архаическое обозначение словом *карман* отдельного мешочка, сумочки, еще не пришиваемых к платью, кошелька [Чернышев 1948: 9–10]. Карман можно было даже терять, пример чего П.Я. Черных обнаружил в газете "Санкт-Петербургские ведомости" (1.06.1798): "Некая барыня... шедшая по Фонтанке... обронила карман с разными записками" [Черных 1952: 299]. Это архаическое значение слова *карман* сохранялось довольно долго. По сообщению Н.С. Араповой (1934 г. рожд.), ей в детстве еще пришлось видеть нарядную сумочку, называемую *карман*, в которой носили в церкви *поминание* (синодик), как это было принято в подмосковных селах⁷. О.Н. Трубачев напомнил, что:

..."к обеднению результатов исследования ведет и отказ от использования семантического критерия в диссертации. Верно, что семантика или семасиология развита еще недостаточно, но полезность семантического критерия как вспомогательного в исследованиях лексики никто не станет отрицать. Речь идет об установлении параллелизма семантических эволюций, операциях очень простых, но, как правило, весьма надежных, как все простое. И хотя этот нехитрый прием семантического анализа иногда иронически трактуют как элементарный "здравый смысл", не нужно забывать, что мы имеем здесь дело с моментами семантической типологии, а в ряде случаев – с семантическими универсалиями. Современная реализация принципа *Wörter und Sachen* не может обойтись без таких аспектов. Я говорю это со специальной целью показать на конкретном примере возможные этимологические связи, которые, может быть, заинтересуют диссертанта, а в данной связи любопытны своей семантической стороной. Так, на стр. 102 разбирается русское диалектное слово *кодман*, название мешкообразной одежды, др.-русс. *къдманъ*, которое вместе с венг. *köd-tőn* 'полушубок' автор считает древним болгарским заимствованием "по фонетической черте (-д-, не изменившемся в -з- > -р-)". Автор реконструирует болгарский прототип **къдмън*, однако иных фактических подтверждений его, равно как и предполагаемой там ротацистской тенденции, он не приводит. Я хотел бы в этой связи обратить внимание на общеизвестное русское слово *карман*, над которым исследователи бились безуспешно, потому что единственным положительным итогом их поисков остались, пожалуй, только догадки, что *карман* – наверное, тюркизм. Я бы предложил И.Г. Добродомову связать упомянутое выше *кодман* 'вид мешкообразной одежды, плаща' и *карман* (*карман* тоже генетически восходит к мешочку!), потому что это как будто перспективно с точки зрения фонетической диахронии, поскольку восполняет лакуну соответствия на -р-. Но главный акцент мне желательно поставить при этом на значении слов. Родство значений 'мешкообразная одежда' и 'карман' обосновывается не одной только очевидной эволюцией реалии, названной выше, но и семантическим параллелизмом, который я провожу между парой *кодман* – *карман* и рассматриваемыми у И.Г. Добродомова далее особо древнерусским и церковнославянским *чьпагъ* 'карман', сербохорватским *чпаг* 'карман' (куда диссертант остроумно относит и русск. диал., арханг. *ецьпах* 'карман') и болг. диал. *чи-паг* 'род короткой одежды без рукавов' (стр. 145–146 диссертации), где имеем ту же связь значений 'род одежды' – 'карман'. Понимая гипотетичность своего примера со словами *кодман* и *карман* (не совсем ясны возможности развития здесь ротацизма, поскольку зубной соседствовал с другим согласным, ср. автореферат диссертации

⁷ О соотношении наименования *карман* с другими синонимами см. [Судаков 2002: 55–60].

Добродомова, стр. 11), я хочу вместе с тем подчеркнуть, как важно прослеживать филиацию идей и лексических значений, как это помогает восстанавливать подчас недостающие звенья других уровней, в данном случае фонетического, и в целом – решать этимологические задачи. Попутно замечу, что такая этимологическая увязка слова *карман* контролируется со стороны лингвистической географии : более древний (по Добродомову) вариант **кадман* распространен на более широкой территории, включая венгерский, тогда как вторичный вариант *карман* – практически только в русском языке. Упомянув критерий лингвистической географии, не могу не отметить, что диссертант в остальном учитывает его регулярно, хотя и здесь найдется материал для критики”.

Сомнение О.Н. Трубачева в фонетической стороне соотношения слов *кодманъ* ~ *карман* ”(не совсем ясны возможности развития здесь ротацизма, поскольку зубной соседствовал с другим согласным)” может быть отведено ссылкой на весьма обычный *Mittelsilbenschwund*, открытый В. Бангом и подтвержденный Л. Юхансоном. Соображения О.Н. Трубачева хорошо подтверждаются польским диалектным *kaɪman* ‘дождевик’ (*Kleiderdecke gegen den Regen*), которое привел Э. Бернекер как параллель русскому *карман* [Berneker 1908–1913 490].

В свете этих соображений О.Н. Трубачева о зависимости значений ‘мешкообразная одежда’ – ‘карман’ должны отпасть сомнения М. Фасмера в связи латышского *kabata* ‘карман’ с бродячим названием рабочей рубахи, куртки, кофты типа русского диалектного и устарелого *кабат*, имеющего параллели во многих языках Средней и Восточной Европы

Во многих современных тюркских и финно-угорских языках слово *карман* (хакасск., алт., телеутск., чувашск., тувинск.), *канмар*, *калмар* (кызыльск.), является русизмом с отражением современной семантики русского слова, а в узбекский язык *карман* вошло в старом значении ‘кошелек’, как и горномарийский в форме *кармак*, *картмак* ‘кошелек для денег’ (устар.)

Олег Николаевич со своей подчеркнутой педантичностью и пунктуальностью на первый взгляд казался весьма суровым и неприступным человеком, но в ходе начинавшейся беседы он как бы преображался, становился веселым, постоянно шутил, и нить беседы переходила в его руки, и он ее крепко держал. Слушать его было необычайно интересно.

В громадном научном наследии О.Н. Трубачева поражает прежде всего обилие самого разнообразного материала из самых различных источников с умелым выбором из него самого главного, существенного и четкая методика его анализа, что отличает истинную высокую науку от расхожих мнений. Олега Николаевича характеризуют основательное знание древних и новых языков и литератур на этих языках, этнографии и истории их носителей, глубокие познания археологических древностей этих народов, знание чисто технических тонкостей древних ремесел разных регионов. Столь обширные и глубокие энциклопедические познания обеспечивали ему возможность работы на стыке разных наук, что давало всегда свежие и несколько неожиданные результаты. Именно такая энциклопедичность обеспечивала плодотворность.

Олег Николаевич был великий этимолог, который умел извлечь из древнего слова максимум возможной сейчас информации о жизни наших далеких предков, проникнуть с помощью древних слов в строй их мыслей, уберегаясь как от их модернизации, так и от чрезмерной архаизации, в чем ему помогало замечательное чувство историзма в сочетании с глубоким пониманием человеческого слова

Большое научное наследие Олега Николаевича Трубачева большей частью уже прочно вошло в арсенал современной науки как ее последние достижения, а оставшаяся часть будет освоена в дальнейшем. А если что-то и получит в будущем иное освещение, то и это останется важной поучительной вехой этимологического познания на бесконечном пути к истине.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гиндин Л А 1992 – Краткий очерк научной и научно-организационной деятельности <О Н Трубачева> // Олег Николаевич Трубачев / Сост Л В Шутько Автор вступительной статьи Л А Гиндин Российская Академия наук Материалы к биобиблиографии ученых Серия литературы и языка Вып 21 М, 1992
- Горяев Н В 1896 – Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис 1896
- Дмитриев Н К 1958 – О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник Вып III М, 1958
- Добродомов И Г 1988 – Этика и этикет // РР 1988 № 4
- Ипполитова Л В 2001 – Еще раз о шахтере // РР 2001 № 6
- Лавровский П А 1867 – Коренное значение в названиях родства у славян (Зап имп Академии наук Т XII Кн 1) СПб, 1867
- Радлов В В 1911 – Опыт словаря тюркских наречий Т IV СПб, 1911
- Рейф Ф И 1835 – Русско французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению или Этимологический лексикон русского языка Т I СПб, 1835
- Судаков Г В 2002 – Живое русское слово Вологда, 2002
- Топоров В Н Трубачев О Н 1962 – Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья М, 1962
- Трубачев О Н 1959 – История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя М, 1959
- Трубачев О Н 1960 – Происхождение названий домашних животных в славянских языках (Этимологические исследования) М, 1960
- Трубачев О Н 1963 – Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд) Проспект Пробные статьи М, 1963
- Трубачев О Н 1966 – Ремесленная терминология в славянских языках (Этимология и опыт групповой реконструкции) М, 1966
- Трубачев О Н 1967 – Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология 1965 Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам М, 1967
- Трубачев О Н 1968а – Названия рек правобережной Украины Словообразование Этимология Этническая интерпретация М., 1968
- Трубачев О Н 1968б – Из материалов для этимологического словаря фамилий России (Русские фамилии и фамилии бытующие в России) // Этимология 1966 Проблемы лингвогеографии и межъязыковых контактов М, 1968
- Трубачев О Н 1978 – Из работы над русским Фасмером К вопросу теории и практики перевода // ВЯ 1978 № 6
- Трубачев О Н 1991 – Этногенез и культура древнейших славян Лингвистические исследования М, 1991
- Трубачев О Н 1992, 1997 – В поисках единства М, 1992 Изд 2-е доп, с подзаголовком Взгляд филолога на проблему истоков Руси М, 1997
- Трубачев О Н 1999 – INDOARICA в Северном Причерноморье Реконструкция реликтов языка Этимологический словарь М, 1999
- Трубачев О Н 2000 – Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // ВЯ 2000 № 5
- Трубачев О Н 2002а – Из истории лингвистической географии восточнославянского распространения // В пространстве филологии К 70-летию со дня рождения доктора филологических наук профессора Евгения Степановича Отина Донецк, 2002
- Трубачев О Н 2002б – Опыт ЭССЯ к 30-летию с начала публикации (1974–2003) // ВЯ 2002 № 4
- Черных П Я 1952 – Историческая грамматика русского языка М, 1952
- Чернышев В И 1948 – Разыскания и замечания о некоторых русских выражениях // Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР Вып 1 М, Л, 1948
- Юналеева Р А 1981 – Опыт исследования заимствований (Тюркизмы в русском языке сравнительно с другими славянскими языками) Казань, 1982
- Berneker E 1908–1913 – Slavisches etymologisches Wörterbuch Bd 1 Heidelberg, 1908–1913
- Miklosich F 1886 – Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen Wien, 1886
- Trubačev O N 1986 – Gedanken zur russischen Ausgabe von Vasmer's Russischem etymologischem Wörterbuch // ZslPh, 1986 Bd. 46